

«Я хотел работать
в манере Калло»

Отчего, дерзновенный искусник, не могу я отвести взора от твоих диковинных фантастических листков? Отчего не дают мне покоя твои создания, часто лишь двумя-тремя смелыми чертами намеченные? Тяжжу неотрывно на это роскошество композиций, составленных из противоречивейших элементов, — и вот оживают предо мною тысячи и тысячи образов, и каждый зримо и твердо, сверкая наивещественнейшими красками, выступает вперед, возникая нередко из самых отдаленных глубин фона, где его поначалу и разглядеть-то было невозможно.

Никакой другой мастер не сравнится с Калло в умении втиснуть в самые узкие пределы столь несметное изобилие явлений, кои с удивительной ясностью предстают нашему взору, соположенные друг с другом и неотделимые друг от друга, так что каждая единичность, себе довлея, вместе с тем встраивается и в совокупность.

И если поэту или литератору явления обыденной жизни предстают как бы в атмосфере романтического призрачного царства его души, если он изобразит их в этом облекающем их сиянии словно в причудливом чужестранном наряде, — не позволительно будет ему по крайности сослаться в свое оправдание на этого мастера и сказать: «Я хотел работать в манере Калло»?

Э.-Т.-А. Тофман

Жак Калло

(1814)

«Я хотел работать в манере Калло»

выставка-каприччо

in artibus
foundation

Фонд IN ARTIBUS благодарит

Коллекционеров, предоставивших
работы для выставки:

Ирину Баженову
Григория Константинова
Максима Толстикова

А также всех, кто принимал участие
в осуществлении проекта:

Наталию Воробьеву
Кристину Вроцкую
Алексея Иванникова
и багетную мастерскую «Квадрат»
Максима Ляховича
Антоня Мириманова
Анну Свергун

Над проектом работали:

Дмитрий Верещагин
Анна Гущина
Алексей Зубов
Наталья Крылова
Елизавета Никишина
Александр Ноздрин
Ольга Помещикова
Мария Спешельникова
Сергей Черкасов

Каталог выставки «Я хотел работать в манере Калло»

28 мая 2015 – 23 августа 2015

Выставка организована Фондом IN ARTIBUS

Москва, Пречистенская наб., 17

В сотрудничестве с частными собраниями г. Москвы

Работы из частных собраний, опубликованные в каталоге:

Жак Калло. Листы из серий: Balli di Sfessania;
«Большие страсти» (La Grande Passion);
«Малые страсти» (La Petite Passion);
«Кающиеся» (Les Pénitents);
«Большие бедствия войны» (Les Grandes Misères de la Guerre);
«Четыре пейзажа» (Les quatre Paysages).
Частное собрание (Москва).

Рисунки старых мастеров и художников XIX века,
а также гравюры Рембрандта и Пиранези.
Коллекция Инны Баженовой (Москва)

Президент Фонда IN ARTIBUS: Инна Баженова
Руководитель проекта: Екатерина Кондранина
Куратор выставки: Елена Руденко
Тексты экспликаций: Алексей Зубов,
Анна Корндорф, Елена Руденко
Дизайн: Фатали Талыбов

На обложке: Жак Калло. Белло Свардо – Ковьелло.
Лист из серии Balli di Sfessania. Офорт, 1621.

Антонио Темпеста. Диана и Каллисто.
Коллекция Григория Константинова (Москва).

Жак Калло. Выход гг. де Кувонжа и де Шалабра.
Лист из серии «Битва у барьера» (Le Combat à la Barrière),
а также четыре листа из серии «Знать» (La Noblesse).
Коллекция Максима Толстикова (Москва).

Каталог:

Выпускающий редактор: Надежда Горбатюк
Дизайн, верстка: Петр Соловьев
Составитель: Елена Руденко
Научный редактор и составитель
комментариев: Анна Корндорф
Фотограф: Николай Солин
Координатор: Александр Ноздрин
Корректор: Ирина Дядема

Партнеры проекта:

Информационные партнеры:

Все права защищены.

© IN ARTIBUS Foundation
© ООО «ДЕФИ»

© Тексты: Елена Руденко, Анна Корндорф
© Фотографии: Николай Солин

Жак Калло как актуальный художник

Жака Калло не забывали никогда. Творчество французского мастера восхищало современников, оказало немалое влияние на искусство XVII и XVIII веков, а в начале XIX века, с легкой руки Э.-Т.-А. Гофмана, его имя и вовсе приобрело статус нарицательного. Под «манерой Калло» принято подразумевать все странное, фантастическое и гротескное, однако для немецкого романтика эта «манера» была, скорее, метафорой серьезного, честного отношения художника к своему искусству.

Способность мастера, переосмысливая многообразие реальных впечатлений, создавать образы, непререкаемые в своей художественной убедительности, и осознание этой способности как исключительного дара стали основной темой рефлексии художников в эпоху романтизма. Волна постреволюционной демократизации заставила их особенно остро почувствовать зависимость от общественного мнения, когда любой «просвещенный» зритель, уравненный в правах с прежними избранными ценителями, счел себя вправе выносить суждения и навязывать свою волю. В то время, когда художник окончательно сменил статус ремесленника на героическое звание творца, было особенно важно опереться на примеры минувших эпох. Сегодня героическая тога на художнике преобразовалась в отрешья маргинала, но Калло остался прежним. Как всякий великий мастер, по-своему определивший пути развития искусства, он остается фигурой загадочной для исследователей, и не только из-за пробелов в биографии. Загадка традиционна и риторична: каким образом творчество одного человека становится ключом к целой эпохе, фокусирует в себе важнейшие

проблемы искусства и может предложить такие решения, которые с течением времени не теряют своей актуальности?

Истоки творчества Калло не очень ясны. Официальным учителем художника был Антонио Темпеста (1555-1630), флорентийский гравер и живописец. Однако уже в ранних пейзажах Калло чувствуется его знакомство с пластической традицией нидерландских художников. С течением времени эта связь обнаруживает себя сильнее. Надо отметить, что сам Темпеста был учеником Яна ван дер Страата, жившего в Италии художника из Брюгге, который своим иллюстрациям к Дантову «Аду» сумел придать плотную Брейгелеву достоверность. Исследователи не раз отмечали в творчестве Калло черты, роднящие его с нидерландскими пейзажистами того времени: фламандцем Йоосом де Момпером (1564-1635), начинавшим свою карьеру с буквальных цитат из Брейгеля, или ровесником Калло, голландцем Яном ван Гойеном (1596-1656), который диагональю перспективы или смещением линии горизонта мог придать пейзажу больше драматизма, чем иной художник шумной многофигурной библейской сцене. Искусство Жака Калло отличается легкость без легкомыслия, правдивость без грубого иллюзионизма. Калло не копирует натуру, он преобразует зрительные впечатления. Исключительно точно найденные пропорции соотношения фигуры и фона, смелые сопоставления пространственных планов, органическая связь всех элементов композиции сообщают каждой гравюре мастера незыблемую пластическую логику.

Пространство – постоянный герой любого листа Калло. На каждом из маленьких (7х9 см) отпечатков из серии Balli di Sfassania

художник представляет условно-театральную сцену, волшебным образом совмещая две, а то и три разные точки зрения, чтобы получить идеальную композицию. Каждый штрих, каждая линия и каждая пауза в ней имеет значение и вызывает у зрителя пленительное ощущение воздуха, движения, подлинности происходящего.

Наиболее известный цикл Калло «Большие бедствия войны» (*Les Grandes Misères de la Guerre*) неоднократно иллюстрировал учебники истории, этики и психологии. Своей популярностью листы из «Бедствий» обязаны не этнографической точности или скрупулезности описания ужасов. Апокалиптическое дерево, увешанное трупами, хаос адской кухни, где над очагом вместо дичи поджаривается человек, упирающийся в небо треугольник дыбы – эти образы поражают сознание много повидавшего зрителя именно потому, что они – результат не спонтанной эмоциональной реакции, а исключительно точного художественного расчета. Калло прежде всего – художник.

Намеренно простой ритм диагоналей и вертикалей – мушкетов и копий – в листе «Сбор войск» создает впечатление почти музыкальное – зритель как будто слышит примитивную; визгливо-бодрую музыку войны. Калло синтезирует и графически переосмысливает опыт своих предшественников и одновременно предлагает пространственные решения своим современникам и потомкам. Копья, подобно булавкам, скрепляющие небо и землю, знакомы нам и по ренессансным «битвам» XV-XVI веков, но нельзя не отметить, что знаменитая «Сдача Бреды» Веласкеса (1660) носит следы знакомства и с военными образами Калло.

Через двадцать лет после «Бедствий» в гравюрах и живописи Сальватора Розы появляются крупы коней, подобные облакам или клубам порохового дыма. В XVIII веке о листах из серии *Les Grandes Misères* вновь напомним экстравагантные образы Алессандро Маньяско (1667-1749).

Алессандро Маньяско. Допрос в темнице, 1710 г. Музей истории искусства (Вена, Австрия)

Гравюры Калло были в коллекции Рембрандта, творчеством французского графика интересовались Пиранези и Гварди, Ватто и многие другие. Перечислять всех, кто так или иначе пользовался «услугами» художника, – задача неблагодарная, а в рамках камерной выставки и заведомо невыполнимая.

По сравнению с пейзажными гравюрами Калло, (илл. стр. 151) где пространство развернуто к зрителю несколько театрально, знаменитый «Вид на Амстердам» (1640) Рембрандта (илл. стр. 150) – новая степень свободы и художественной смелости. Родство офортных проступает в горизонтальном вытянутом формате и низкой линией горизонта, в трех планах, уводящих взгляд в глубину.

Калло усовершенствовал технику гравюры. Прием повторного травления в офорте позво-

лил художнику добиться точности рисунка, гибкости линий, особой мягкости тональных переходов. Для классического искусства, не столь нетерпимого к заимствованиям и цитатам, как современное, демократичность гравюры имела большое значение. Доступные листы, напечатанные большим тиражом, были емким и легким в распространении источником визуальной информации, буквально рассадником самых плодотворных художественных идей.

Пластические эманации искусства великого французского графика достигали не только его современников и ближайших потомков. Не случайностью, а сознательной цитатой выглядит представленная на выставке работа соотечественника, но отнюдь не современника Калло Жака Луи Давида – его «Дама с муфтой» (1787) – вариация на тему известного образа из серии «Знать» (La Noblesse, 1620–1623).

Слева: Жак Калло.
Дама с длинной вуалью в платье, отороченном мехом.
Лист из серии «Знать», 1620–1623.

Справа: Жак-Луи Давид.
Набросок фигуры молодой женщины в полный рост
в профиль с вуалью и муфтой, 1787 г.

Графика Теодора Жерико помимо тематического часто несет в себе черты более глубокого, профессионального сходства с рисунками Жака Калло, известными виртуозностью свето-теневой моделировки. В этих натуральных набросках, исполненных кистью или пером с отмывкой тушью, поражает точность взаимоотношений масс и свобода, с которой мастер распределяет объемы на плоскости листа.

Слева: Жак Калло. Воин со щитом и мечом, ок. 1617 г.
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербурге)
Справа: Жан-Луи-Андре-Теодор Жерико.
Мамелюк, поднимающий копьё.

В середине XIX века одним из самых верных поклонников Калло был Оноре Домье. Композиционная точность при смелом сопоставлении пространственных планов свидетельствует о близком знакомстве этого мастера с «манерой Калло», а в своей обширной живописно-графической серии по мотивам «Дон Кихота» Домье иногда буквально цитирует художника.

Слева: Жак Калло. Разувающийся крестьянин. Лист
из серии «Каприччи», 1618 г.

Справа: Оноре Викторен Домье. Дон Кихот и Санчо Панса

Влияние Жака Калло на русских художников – тема малоизученная, но наверняка плодотворная. В своей «Истории искусства» о нем вдохновенно писал Александр Бенуа, а знакомые с детства иллюстрации к французским сказкам, английским песенкам и русским былинам ленинградского графика Владимира Конашевича, рассказывают, по крайней мере, о его несомненном знакомстве с серией Калло «Война красоты» (1616).

Жак Калло. Гора Парнас. Лист из серии «Война красоты», 1616 г.

Жак Калло. Колесница Солнца. Лист из серии «Война красоты», 1616 г.

Жак Калло во многих смыслах – идеальная фигура для размышлений об искусстве: человек, принадлежащий к одной из самых значительных эпох – переходной от Средних веков к Новому времени; художник, которого в силу его уникального дарования трудно маркировать определенным стилем; благодарный ученик старых мастеров и генератор новых пластических идей; новатор в технике графического искусства и даже источник вдохновения для музыкантов и писателей! Этим объясняется присутствие на выставке Калло персонажей, не имеющих, казалось бы, непосредственного отношения к основной теме, и даже не художников. «Посторонних» мы собрали в одном пространстве по общему признаку – каждый из них так или иначе работает: «в манере Калло» и говорит об искусстве языком искусства. Герои нашей выставки находятся друг с другом в тесных, подчас запутанных отношениях преемственности, но мы не стали чертить генеалогических деревьев. Мы предлагаем сыграть в игру ассоциаций, которая подчас бывает не только интереснее, но и плодотворнее урока. В столкновении разных языков творчества, в сопоставлении времен и смыслов слышится тихий, но непрерывный общий мотив: способность сопрягать близкое и дальнее, низкое и высокое, реальное и фантастическое, ироническое и трагическое – это путь к достижению недостижимого. Всю жизнь честный художник движется к цели, недостижимой, как горизонт, – к той воображаемой черте, за которой эстетическое преобразуется в этическое, частное во всеобщее, а смертное в бессмертное. Мимолетные состояния гармонии для художника – путевые знаки и награда за труды, а для зрителя – эфемерная радость приобщения к таинству.

Листы из серии Balli di Sfessania (1621)

Сваммердам вытащил из кармана маленькую подзорную трубку, раздвинул ее во всю длину и стал наступать на врага, громко восклицая:

– Ну, потягаемся, проклятый, если у тебя хватит смелости!

Левенгук проворно выхватил такой же инструмент, так же его раздвинул и закричал:

– Что ж, выходи, я готов, сейчас почувствуешь мою силу!

Тут оба они приставили подзорные трубки к глазам и яростно напали друг на друга, нанося убийственные удары, причем посредством сдвигания и раздвигания они то сокращали, то удлиняли свое оружие...

Получивший удар пронзительно вскрикивал, подскакивал и делал самые удивительные прыжки, антраша, пируэты, пока противник не приводил его в оцепенение, устремив на него укороченную трубку...

Э.-М.-А. Гофман
Повелитель блох
(1822)

